

Банкет в галерее «Наследие», назначенный на этот вечер, по сути, был той самой головной болью, которую подбросил Чу Юню его старший брат.

В этом году Международный совет музеев проводил свое ежегодное собрание в Тяньчэне, и по сложившейся традиции для закрывающего банкет коктейля требовалось выбрать одну из местных организаций.

Чу Мянью, будучи почетным членом совета, не мог позволить себе отказать, однако он совершенно не желал тратить драгоценные силы и время на людей, не способных принести никакой ощутимой выгоды. Поэтому он с присущей ему небрежностью переложил эту обременительную задачу на плечи Чу Юня.

Чу Юнь, как и всегда в подобных ситуациях, нашел миллион причин для негодования из-за того, что старший брат вечно подкидывает ему проблемы.

Впрочем, он уже давно к этому привык.

В конце концов, именно он занимал пост управляющего галереей «Наследие».

Этот храм высокого искусства, известный широкой публике как галерея «Наследие», принадлежал корпорации Чэньхуа и служил ее «лицом», символизируя определенный, почти неприступный статус семьи Чу.

Кого дозволялось пускать внутрь, какие из редких коллекций показывать и на какие закрытые банкеты приглашать – всё это было негласными критериями, по которым семья Чу измеряла степень принадлежности человека к высшему кругу общества.

Истинная ценность, которую это место приносило корпорации Чэньхуа, была куда выше той суммы, которую можно было выразить сухими цифрами в бухгалтерских книгах.

Под высоким, величественным куполом, на полу из белоснежного мрамора, лежали ковры ручной работы из овечьей шерсти нежно-золотистого оттенка.

В углу второго этажа, за роялем, сидел дебютант прошлого года, которого в кругах театральных пианистов уже успели окрестить гением нового века. Одетый в безупречно строгий костюм, он располагался в достаточно заметном, но пустующем месте, привнося в атмосферу банкета нотку утонченности и дополнительно подчеркивая его высокий статус.

Гости общались, сопровождая беседы легким перезвоном хрустальных бокалов, и никто – ни мужчины, ни женщины – не позволял себе громких разговоров или вульгарного смеха.

Официанты бесшумно сновали туда-сюда с подносами напитков, но никто из присутствующих не достаивал их даже мимолетным взглядом. Если кто-то из гостей случайно проходил мимо, они не утруждали себя даже простым «спасибо».

На подобных мероприятиях никто не хотел прослыть «маленьким человеком», обремененным излишней вежливостью по отношению к прислуге.

Чу Юнь, не испытывая ни малейшего желания здесь находиться, намеренно опоздал на двадцать минут.

Когда он наконец появился, его помощник Ли Чжися, семенивший следом с выражением крайнего недовольства на лице, принялся торопливо докладывать о текущей ситуации и перечислять прибывших высокопоставленных гостей.

Это была лишь часть строгого протокола в огромном своде правил семьи Чу, но для самого Чу Юня в этом не было абсолютно никакой необходимости.

В этом зале не было ни единой души, чье имя стоило бы запечатлеть в памяти.

Едва уловимый звук «ц!» заставил Ли Чжися мгновенно проглотить остаток фразы.

Он украдкой взглянул на Чу Юня.

Узкие глаза с чуть приподнятыми уголками, тонкие губы и четко очерченная линия подбородка – природа наделила его вызывающей, дерзкой внешностью. Когда он был недоволен, в его взгляде сквозила ледяная отстраненность, а стоило ему слегка нахмуриться,

как весь его облик становился острым и опасным, словно лезвие бритвы.

Галстук, который он был вынужден сменить перед самым выходом, когда столкнулся с дядей Чэном, напомнившим, что «следует всегда носить вещи собственного бренда, чтобы подчеркнуть статус», изначально был серебристо-серым Диор. Теперь же на нем красовался темно-синий Ré, что совершенно не соответствовало эстетическим предпочтениям молодого господина.

Впрочем, на взгляд Ли Чжися, будь то строгая классика или дерзкий стиль, всё смотрелось на этом лице одинаково безупречно.

Но, слишком хорошо зная мысли своего начальника, Ли Чжися поспешил прийти на помощь и осторожно, почти незаметно, слегка ослабил удушающий галстук.

- Где он? - спросил Чу Юнь.

- Скоро будет, - мгновенно ответил Ли Чжися.

Неизвестно, был ли галстук настолько ненавистен, но Чу Юнь лишь сильнее нахмурился и больше не проронил ни слова.

На улице шел снег.

При проектировании здания тщательно учитывалось эмоциональное состояние людей, находящихся внутри, поэтому за каждым слоем роскошного стекла была установлена еще одна перегородка, надежно защищающая от холода.

Если слегка наклонить голову, то сквозь прозрачное окно можно было увидеть, как в ночном небе, усыпанном мерцающими звездами, кружатся кристаллики шестигранных снежинок - всего лишь искусная имитация, меняющаяся в зависимости от реальной погоды.

Гости уже разбились на группы: члены совета фонда, топ-менеджеры банков, владельцы нескольких иностранных галерей... Они переговаривались вполголоса, сбившись в небольшие, закрытые кружки.

Иногда кто-то из них бросал многозначительный взгляд на вход.

Пока обе створки дверей не распахнулись одновременно, и хаотичный гул светских бесед внезапно смолк.

Чу Юнь вошел в центр зала, ступая уверенно и развязно, словно он не входил, а захватывал это пространство силой.

Безупречно скроенный костюм подчеркивал стройную фигуру мужчины, но пуговицы на рубашке были расстегнуты, слегка обнажая ключицы, что придавало элегантному наряду нотку вызывающей небрежности.

Темно-синий галстук, который был на нем до открытия дверей, помощник, следовавший за ним, судорожно спрятал за пазуху.

Чу Юнь зачесал назад слишком длинную челку, открыв притягательное и невероятно дерзкое лицо. Тонкая цепочка с голубым бриллиантом на левом ухе ярко сверкала в его черных волосах.

Присутствующие поспешно отвели взгляды, вынужденные признать: этот молодой человек на сто процентов соответствовал роскошной атмосфере этого места, и в то же время был совершенно несовместим с ролью сдержанного хозяина галереи «Наследие».

Некоторые гости в банкетном зале подсознательно отступили на полшага в сторону, освобождая ему путь.

- Добрый вечер, молодой господин Чу, - после череды приветствий последовали вежливые улыбки, призванные показать непринужденность, хотя на самом деле никто не смел свести с него глаз.

- Здравствуйте, добро пожаловать, - Чу Юнь, держа одну руку в кармане брюк, равнодушно кивнул толпе, не задерживаясь ни перед кем.

Заметив что-то краем глаза, он подошел к столу, двумя пальцами аккуратно подцепил столовый нож и с легким пренебрежением поправил его положение.

Ли Чжися, словно оказавшись перед лицом смертельной опасности, прошептал:

- Я прослежу, чтобы они были внимательнее...

Он не успел закончить свои оправдания, как Чу Юнь уже отошел.

Он лениво отмахивался от окружающих, обмениваясь дежурными, пустыми фразами, и, остановившись перед недавно приобретенной картиной, замер, сосредоточив на ней свой взгляд, пока к нему наконец не подошли.

- Эта работа Ренуара поистине прекрасна: насыщенная палитра и удивительно мягкие мазки. Я видел нечто подобное в Париже, коллекционная ценность здесь невероятно высока.

Кто-то с поддобиоострастной улыбкой поддакнул:

- Картина и правда великолепна, цвета сразу выдают руку мастера.

- Подлинники Ренуара редко попадают на рынок. То, что молодой господин Чу решил выставить её на всеобщее обозрение, говорит о многом.

Чу Юнь некоторое время стоял, лениво опираясь на край главного стола, словно слушая похвалы членов совета, рассуждающих об искусстве.

- Эта цветопередача и текстура полностью соответствуют изысканному стилю галереи «Наследие».

- Молодой господин Чу, не могли бы вы нам рассказать о ней подробнее?

Шум голосов становился всё громче, вырывая Чу Юня из задумчивости.

- У вас, почтенный, тоже выдающийся вкус, - улыбнулся Чу Юнь. - Вероятно, вы видели ее на выставке в музее Орсе.

Все присутствующие были одновременно удивлены и обрадованы, услышав похвалу из его уст.

- Но, к сожалению, - на лице Чу Юня появилось элегантное выражение сочувствия, - то, что находится перед вами, на самом деле работа Габриэль Мюнтер.

На мгновение в зале воцарилась гробовая тишина.

Ли Чжися опустил голову еще ниже, стараясь стать невидимым.

- Посмотрите на слои масляной краски, на особую матовость пигмента, - Чу Юнь указал на одно неопровержимое доказательство за другим, сделал паузу и мягко добавил: - И на эту столь нарочито приметную подпись.

Его длинные пальцы зависли над буквами «С.М.», а два массивных кольца на правой руке вспыхнули таким ярким блеском, что гости невольно зажмурились. Его палец словно уперся в горло собеседника, вызвав у того сухой, нервный кашель.

- Впрочем, такие детали замечают только истинные ценители живописи, - любезно добавил Чу Юнь, очаровательно моргнув.

Остальные гости поспешно сменили тему, делая вид, что ничего не слышали и не заметили.

- Молодой господин, - Ли Чжися достал планшет и поспешно попытался вмешаться. - Нужно подписать доверенность для страхового списка на следующий месяц.

- Как невежливо, - приподнял бровь Чу Юнь. - Разве ты не видишь, что я веду приятную беседу с гостем, который умеет ценить искусство? У тебя что, глаз нет?

Лицо стоявшего рядом гостя приобрело нездоровый, серовато-синий оттенок.

Затем Чу Юнь мягко извинился:

- Мне очень жаль, что я не могу продолжить беседу с вами, любителями живописи, - он обвел присутствующих взглядом. - Прошу прощения, я вынужден откланяться.

Он с наигранным «сожалением» покинул сцену. В тот же миг, как он отвернулся, едва заметная улыбка в уголках его глаз мгновенно сменилась нетерпением, и он не удержался, чтобы дважды не проверить телефон.

Наиболее активным среди присутствующих гостей был заместитель генерального директора Городского коммерческого банка, господин Ду. Его супруга, госпожа Ду, принадлежала к местной элите, и каждый элемент ее изысканного наряда, включая аксессуары, был из последней коллекции Лоуи.

Они с самого начала пристально следили за каждым движением Чу Юня и, заметив, что он наконец остался в одиночестве, поспешили подойти к нему, грациозно держа в руках бокалы с напитками.

- Молодой господин Чу, сегодняшний вечер организован просто безупречно. А эта ваза Баккара... она настолько прекрасна, что невольно восхищаешься вашим действительно отменным вкусом, - пропела госпожа Ду. Она видела этот экземпляр на аукционе в Лондоне в прошлом месяце и теперь намеренно упомянула об этом, стремясь польстить молодому человеку.

Ее голос звучал легко, и на губах играла приветливая улыбка.

Господин Ду, не теряя ни секунды, поддержал свою супругу. Он приподнял бокал и с подобострастной улыбкой произнес:

- До меня дошли слухи, что корпорация Чэньхуа затеяла некий масштабный проект, и решение по нему принимал лично господин Чу? Если в будущем появится хоть малейшая возможность для сотрудничества, Городской коммерческий банк приложит все возможные усилия, чтобы быть полезным.

Госпожа Ду тут же подхватила нить разговора:

- Иметь возможность лицезреть столько редких сокровищ в одном месте - это поистине большая удача. Наш младший сын постоянно просится на выставку; он утверждает, что экспонаты в Наследии куда интереснее, чем в традиционных музеях истории искусств. Я как раз собираюсь привезти его сюда на следующей неделе...

- Благодарю вас за столь высокую оценку, - равнодушно перебил ее Чу Юнь, даже не удостоив собеседников взглядом и продолжая смотреть в экран своего телефона. Затем он тихо, почти лениво, позвал: - Чжися.

Ли Чжися мгновенно среагировал и слегка наклонился вперед, ожидая распоряжений.

Чу Юнь наконец убрал телефон в карман, посмотрел на сияющую улыбкой женщину и ответил ей такой же вежливой, но пустой улыбкой:

- Эта...

- Госпожа Ду, - тут же вкрадчиво подсказал Ли Чжися, помогая начальнику вспомнить имя.

Чу Юнь неопределенно промычал что-то в ответ и продолжил:

- Раз уж ей так нравятся эти вазы, упакуйте их для нее в качестве сувенира. Пусть заберет их домой и даст поиграть молодому господину Ду.

Ли Чжися коротко кивнул и, слегка склонив голову, отдал соответствующее распоряжение через свою гарнитуру.

Улыбка на лице госпожи Ду на несколько секунд застыла, превратившись в странную маску, однако она не желала так просто сдаваться и попыталась вновь завязать разговор.

Чу Юнь, который к этому моменту уже с нетерпением смотрел на свои часы, снова поднял взгляд на женщину и мягко, почти ласково улыбнулся:

- У нас сегодня подают отличное вино. Пусть Чжися даст вам несколько бутылок с собой, чтобы вы могли в спокойной обстановке оценить его вкус дома.

Господин Ду с натянутой, едва заметной улыбкой взял жену под руку и поспешил увести ее - в

конце концов, они были людьми своего круга, а не нищими, чтобы принимать подобные подачки.

Ли Чжися тут же вмешался, чтобы сгладить ситуацию:

- Господин Ду, госпожа Ду, если вы желаете заранее ознакомиться со списком экспонатов на следующую неделю, вы можете записаться в архив галереи сразу после окончания банкета.

Этим он умело прикрыл подчеркнуто невежливый уход Чу Юня.

Огромный сверкающий купол благодаря своему уникальному дизайну сиял мириадами звезд, которые казались абсолютно настоящими, создавая поистине сказочное зрелище.

Мощный луч прожектора медленно скользил по толпе гостей, и под громкие, восторженные аплодисменты на огромном экране один за другим мелькали кадры из фильмов, номинированных на премию «Оскар».

Среди толпы звездных гостей камера медленно перемещалась, выхватывая лица. Мужчина восточной внешности, сидящий в первом ряду, выглядел особенно притягательно и загадочно.

- Обладатель премии за лучшую мужскую роль...

В глубоком полумраке зала мужчина нащупал в кармане своих брюк холодный стеклянный флакон.

Луч прожектора, прочертив в воздухе темную линию, внезапно скользнул по нему, заставив художца, невероятно красивого мужчину моргнуть, в то время как его рука, скрытая в тени, сжалась еще сильнее.

- «Безымянная птица» - ШИ ЦЗЯНЬ!

Бурные, оглушительные аплодисменты, словно мощный морской прилив, мгновенно захлестнули весь зал, и имя Ши Цзяня гулким эхом разнеслось по всему пространству.

- Он сумел разрушить все границы языка одним лишь своим молчанием.

Луч прожектора окончательно замер, сфокусировавшись на Ши Цзяне.

- Он снова и снова, с пугающей точностью, проживал жизнь своего персонажа: от юноши на рассвете до глубокого заката жизни. Он полностью слился с героем, наполнив его судьбу своим поразительным талантом и невероятной, почти болезненной чувствительностью, подарив каждому зрителю в зале настоящий праздник искусства.

Люди вокруг него начали один за другим подниматься со своих мест, не переставая аплодировать.

- Он почти не произнес ни единого слова, но сумел заставить весь мир скорбеть вместе с ним. Эмоции, бесконечно увеличенные на огромном экране, были переданы его невероятно тонкой, филигранной игрой, и в тех финальных кадрах, где медленно заходило солнце, персонаж и актер окончательно стали единым целым.

Человек, вручавший награду, был заметно взволнован.

- Своей первобытной болью и почти наивной чистотой он заставил каждого из нас вспомнить, в чем на самом деле заключается истинный смысл метода погружения.

Главный герой торжества всё это время держал голову слегка опущенной. Режиссер, стоявший рядом, что-то тихо прошептал ему на ухо и крепко, по-отечески обнял.

Освободившись из объятий, он медленно, почти нерешительно поднялся на сцену.

Он слишком долго хранил молчание, застыв в самом центре всеобщего внимания, пока кто-то из организаторов тихо не напомнил ему, что пришло время произнести речь.

Ши Цзянь поднял руку, чтобы поправить рукав, случайно коснувшись холодного металла ювелирного браслета на запястье, и в этот миг в его душе воцарилось странное, неожиданное спокойствие.

- Спасибо... - его голос звучал очень тихо. - Я не знаю, что сказать... И никогда не думал, что однажды окажусь здесь.

Его голос был едва слышным, почти шепотом.

- Пэн Шу - тихий и одинокий человек, он не любит громких аплодисментов, - Ши Цзянь сделал короткую паузу и медленно, едва заметно улыбнулся. - Возможно, я точно такой же?

Под одобрительные, дружеские аплодисменты голос Ши Цзяня снова зазвучал в зале - так же тихо и мягко.

- Может быть, я и сам всего лишь безымянная птица, которая прилетела сюда из чьего-то чужого сна и очень скоро улетит прочь.

- Спасибо всем вам за то, что увидели меня и дали мне этот призрачный шанс «существовать».

- Если однажды нам всё же суждено встретиться, пожалуйста, не называйте моего имени. Просто позвольте мне и Пэн Шу навсегда остаться в порывах ветра...

Чу Юнь небрежным жестом поднял с пола чей-то упавший телефон, не отрывая взгляда от человека на экране, который произносил свою речь, глядя куда-то вниз.

Он выпрямился и с легкой, ироничной улыбкой обратился к владелице телефона:

- Как её зовут?

На экране смартфона в бесконечном цикле транслировалась новость о триумфальном награждении Ши Цзяня.

- Ши Цзянь! - в испуге воскликнула девушка.

Переведя взгляд с изящных пальцев, сжимающих её телефон, на лицо Чу Юня, она была мгновенно ошеломлена его красотой и в ту же секунду осознала, кто именно стоит перед ней.

Чу Юнь, кажется, был искренне позабавлен её реакцией, и с легким смешком повторил:

- Я спрашиваю тебя, как её зовут?

- Господин Чу, - она, смущенная и робкая, приняла телефон обеими руками. - Меня зовут Линь Цзя.

Она была студенткой художественного училища и с огромным трудом, пройдя через множество жестоких отборов, сумела получить стажировку в этой галерее. Сегодня вечером в её обязанности входила встреча гостей, и, закончив регистрацию, она не смогла заставить себя уйти, из-за чего и допустила эту досадную оплошность.

- Господин Чу сейчас находится в Лондоне, так что это не я, - мягко поправил её Чу Юнь. Он вернул ей телефон и, заметив крошечные пятнышки краски на её пальцах, поднял на неё взгляд и тихо, почти интимно улыбнулся: - Привет, Линь Цзя.

Окружающие не могли не заметить этой сцены: кто-то втайне осуждал Чу Юня за его прирожденную ветреность, а кто-то с неприкрытой завистью смотрел на девушку, которой так повезло привлечь внимание этого очаровательного повесы...

Линь Цзя крепче сжала в руках телефон, на экране которого снова и снова мелькали кадры с Ши Цзянем - актером, который в последнее время стал её настоящим кумиром.

Она пребывала в полном замешательстве.

- О чем ты сейчас думаешь? - Чу Юнь перевел взгляд с экрана на её лицо и лукаво улыбнулся.
- Он тебе нравится?

Прижав телефон к груди, Линь Цзя подсознательно, почти рефлекторно покачала головой.

- Как жаль, - с наигранным сожалением произнес Чу Юнь, а затем ослепительно улыбнулся. - Если бы вы, мисс Линь Цзя, действительно его любили, я бы обязательно придумал способ дать ему шанс встретиться с такой прекрасной девушкой.

Пока девушка пребывала в полном смятении, взгляд Чу Юня оставался прикованным к повторяющимся кадрам на экране смартфона.

Ли Чжися в легкой панике искал своего начальника по залу, чтобы передать ему звонящий телефон.

В новостях о кино и шоу-бизнесе не скупилась на восторженные похвалы, используя в заголовках такие эпитеты, как «Последний художник этого века».

Имя «Ши Цзянь», сияющее золотом на экране, всплыло на телефоне Чу Юня.

<http://bllate.org/book/17941/1720604>